

ТЕЗИСЫ О ПРИРОДЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

Поставленный на обсуждение юридического сообщества вопрос об абстрактности распорядительной сделке является без сомнений интересным, но – мало актуальным для потребностей практики. По крайней мере, для себя признаю правильной позицию тех коллег, кто считает вполне достаточными существующие механизмы защиты участников гражданского оборота. В первую очередь речь идет несомненно о добросовестных приобретателях имущества. Второстепенно вопрос этот затрагивает проблему правовых последствий последующего одобрения сделок, а также правомерности требований держателя бумаг на предъявителя. Но эти второстепенные вопросы во многом являются производными от конструкции добросовестного приобретения, хотя и затрагивают сферу обязательственного, а не вещного права.

Между тем, я не могу согласиться с тем, что догматические изыскания сами по себе являются излишними, если доказываемая теория не может быть применена на практике.

Здесь следует оговориться, что вопрос о распорядительных сделках являются частью более общего проблемного вопроса о природе исполнения по обязательствам, который сам по себе привлекателен с точки зрения теории. Однако конечные выводы такой теории вполне могут быть востребованы и практикой.

Для начала следует определиться, с чем мы имеем дело, рассуждая об исполнении обязательств.

Существующее господствующее мнение субъективного права, предоставленного кредитору. Однако в свое время В.С. Толстой совершенно обоснованно заключил, что проблема исполнения обязательства – это также проблема природы действий должника, т.е. осуществляемой им обязанности. С.В. Сарбаш в своих исследованиях и вовсе указывает на то, что исполнение обязательства обнаруживается в совершении кредитором и должником действий, составляющих содержание их прав и обязанностей. Особенное значение это имеет при рассмотрении двустороннеобязывающих или осложненных иным образом обязательств, коих в реальной юридической практике абсолютное большинство.

Кроме того, приводя доказательства в пользу того, *что* представляет собой осуществление субъективного права, тождественный вывод должен быть распространен и на исполнение субъективных (юридических) обязанностей. Здесь речь идет, прежде всего, о той *правовой форме*, которой обнимается исполнение кредитором и должником связывающего их обязательства.

Таким образом, вопрос о природе исполнения по обязательствам есть в первую очередь вопрос о правовой форме действий кредитора и должника. Вполне вероятно, что одной из таких форм могут быть присущи все признаки сделки, откуда также вероятен вывод о том, что мы имеем дело с распорядительной сделкой либо же с иным сделкоподобным актом.

В такой плоскости вопрос исполнения представляется вполне заслуживающим своего внимания, ибо отвечает всем необходимым критериям научного вопроса.

Итак, не вдаваясь в существо многократно высказанных общих и специальных мнений о природе исполнения, сформулирую некоторые тезисы общего характера.

Во-первых, необходимо учитывать, что обе эти правовые формы (субъективное право и обязанность соответственно кредитора и должника) находятся в самой тесной диалектической зависимости и не могут существовать в отрыве друг от друга. Правовые явления, относящиеся к одной и той же стадии исполнения, должны иметь единую правовую природу и наоборот, единые или взаимосвязанные по природе правовые явления должны одинаково проявлять свои юридические свойства. Соответственно, там где мы позволяем себе усмотреть сделочную природу исполнения кредитором, равно такой же сделочных характер должно иметь и исполнение должника. И наоборот.

Отсюда важен один вывод. *Когда мы говорим о том, что распорядительную природу могут иметь лишь сделки-предоставления, как например, при отчуждении вещи собственником, то такой взгляд открывает нам перспективу оценить на «соответствие сделке» действий*

приобретателя вещи. А положительный ответ на поставленный вопрос, независимо от каузального либо абстрактного характера такой сделки, дает совершенно отчетливо ответ на вопрос о том, что, при отчуждении чужого, оспаривается заинтересованным лицом.

Да! Нашим правовым порядком устанавливается, что оспариванию подвергается обязательственный договор, лежащий в основе передачи. Но тогда нам необходимо вытеснить из нашего юридического быта конструкции приобретения будущей вещи. И это как минимум.

Однако же, если согласиться, что оспаривается все же не само обязательство, а *действия сторон по его исполнению*, то все вроде бы встает на свои места. Тем более, в классическом примере с отчуждением чужой вещи, волевых пороков сторон обязательства, мы вряд ли обнаружим, если только не искать их намеренно. Именно по указанному обстоятельству, сделки неуправомоченного отчуждателя оспариваются с опорой на ст. 168 ГК РФ вследствие их несоответствия закону. А положения ст. 168 ГК РФ, как известно, имеют отношение к нарушениям формы либо содержанию (читай – условиям) сделки, но не к воле сторон. По существу на таком подходе основана позиция Д.О. Тузова.

Далее, признание за отдельными актами исполнения обязательства сделочной природы, и вслед за ними – сделочной же природы акта приобретения вещи, открывает методологические горизонты изучения проблематики оснований и способов приобретения вещного права – не менее дискуссионного вопроса, подтверждением чему является обилие литературы по этому вопросу.

Во-вторых, такое изучение позволит нам определить правовую природу иных, отличных от сделки, актов исполнения, установить критерии их выделения и классификационные группы, и соответственно, в практическом аспекте – выделить группу отношений, на которые общие положения о сделках, в том числе их недействительности, не распространяется, что снизит значительный груз с правоприменителя.

Во-вторых, в качестве предположения выскажем позицию, что природа исполнения всецело зависит от характера права, являющегося содержанием обязательства, или точнее от вида правовой формы возможного поведения, ибо возможное поведение всегда представляет собой право, но не исчерпывается при этом лишь понятием о праве субъективном, наряду с которым можно говорить и об иных правах.

Считаю, что природа исполнения находится в зависимости от содержания обязательства – правового отношения. Мы не берем во внимание различное понимание категории обязанности, нас интересует многозначность понятия права в его субъективном понимании, как меры возможного поведения участника правового отношения. Анализ норм ГК РФ позволяет сделать вывод, что *исполнение представляет собой юридический поступок во всех тех случаях, когда имеет место осуществление субъективного права, носящее фактический характер, которому закон придает правовое значение.* И хотя само по себе фактическое действие не вызывает правовых последствий, такие последствия могут быть предусмотрены для него законом, в связи с чем мы определяем такое действие как юридический факт. Именно в этом и состоит суть юридических фактов, что они, являясь явлениями объективной действительности, порождают те правовые последствия, которые предусмотрены для них законом, и не всегда зависят от воли субъектов правовых отношений.

Однако в ряде случаев закон наделяет субъекта обязательства возможностями, отличными от субъективного права. Таково, например, право на односторонний отказ от обязательства, которое характеризуется как право секундарное. Мы выступаем за секундарный характер правомочия распоряжения, традиционно выделяемого в содержании права собственности. А признание распорядительного характера действий собственника либо стороны, отказывающейся в одностороннем порядке от обязательства, не оспаривается сегодня почти никем. И осуществляется реализация таких секундарных правомочий – в правовой форме сделки.

Далее. С точки зрения доктрины, актуальность вопроса о возникновении права собственности добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя предполагает такое решение, которое, на наш взгляд, должно быть найдено ни в плоскости общего учения о праве собственности, и даже не в области права обязательственного, хотя и предполагает исследование природы исполнения по обязательствам, а в учении о юридических фактах, а уже после того требует приложения полученных выводов к конструкции вещного правонаделения.

Мы можем согласиться не только со сделочной, но также и иной природой исполнения. Например, считать его совершением стороной правового поступка. При этом никаких препятствий для рассмотрения юридических поступков недействительными не имеется, но при этом отсутствует сама необходимость такого рассмотрения. Юридические поступки будут являться недействительными тогда, когда закон не связывает с их совершением никаких правовых последствий, соответственно они будут иметь значение только фактических действий.

Невозможность распространения на них норм о недействительности сделок состоит лишь в том, что только исключительно волеизъявление можно подвергнуть проверке на соответствие воли наступившим последствиям, поскольку в данном случае закон придает воле существенное значение. А поскольку при совершении юридического поступка воля участника не направлена на достижение правового результата, опровергнуть ее в исковой форме невозможно. Недействительность последствий в данном случае прямо следует из самого закона, – отсутствие перехода права собственности от неуправомоченного отчуждателя, поскольку его действия по передаче не являются сделкой в отсутствие права на вещь, а являются действиями фактическими.

Это решение, между прочим, снимает и вопрос об абстрактности или каузальности распорядительной сделки по переносу вещного права. Известно, что отсутствие или недействительность основания каузальной сделки влечет ее ничтожность и не порождает право на ее оспаривание. Абстрактная сделка, напротив, не зависит от той каузы, в связи с которой она была совершена, хотя бы такая сделка сама по себе имеет основание, не являющееся при этом элементом самой сделки, и потому не влияет на ее действительности. Следовательно, обязательственная сделка по отчуждению ни при каких условиях не может быть истолкована как сделка абстрактная, но в то же время возникновение права собственности добросовестного приобретателя лежит не в основании этой сделки, а за ее пределами, которые определяются усмотрением закона.

Таковы наиболее общие мои замечания к заявленному вопросу, которые, хочется надеяться, найдут отклик среди коллег.